

СТРОИТЕЛЬНАЯ ТЕХНИКА УРАРТСКИХ СООРУЖЕНИЙ ОШАКАНА

СТЕПАН ЕСАЯН, АМИНИЯ КАНЕЦЯН

Начиная с 1971 г. по настоящее время экспедиция Института археологии и этнографии АН Армянской ССР проводит систематические раскопки памятников в селе Ошакан Аштаракского района Армянской ССР. Здесь в центре села возвышается крупный холм вулканического происхождения, прозванный местными жителями Диди-Конд. На вершине холма раскопками обнаружена небольшая, хорошо укрепленная урартская крепость VII—V вв. до н. э., на месте которой после ее гибели возникло раннесредневековое поселение. С северо-востока к Диди-Конду примыкает малый холм, отделенный от большого неглубокой седловиной. На склонах обоих холмов находились древние погребения, датируемые, судя по раскопанным материалам, X—VI вв. до н. э. У основания северных склонов малого холма были открыты дворцовые комплексы позднеурартского времени, которые, как и крепость, бытовали до конца V в. до н. э. В начале IV в. до н. э. эти комплексы погибли, внутри и в непосредственной близости от них обнаружены античные погребения III в. до н. э.—II в. н. э.

Замок-крепость. Крепость представляет собой почти квадратное сооружение, площадью около 0,25 га. Она имеет мощные наружные стены, толщиной в 2,5—2,65 м, выложенные из крупных, хорошо обтесанных блоков туфа на глиняном растворе и дополнительно укрепленные контрфорсами, выступающими от стен на 1—1,1 м. Естественные укрепления в виде крутых склонов и крупных выступов скал немало усиливали ее обороноспособность, а мощные стены, контрфорсы и небольшие башни делали ее почти неприступной (рис. 1).

Учитывая небольшие размеры крепости и отсутствие больших складских и жилых помещений, можно предположить, что она являлась сторожевым пунктом, а в мирное время, по-видимому, была летней резиденцией урартских правителей Араратской долины.

Северная стена крепости, которая местами сильно разрушена, снабжена тремя контрфорсами длиной в 3,1 м и небольшой угловой башней. Значительно лучше сохранилась западная стена (высота 1—1,5 м), также укрепленная тремя контрфорсами и небольшой угловой башней-крепидой, заходящей за южную стену. По-видимому, между вторым и третьим контрфорсом западной стены находился вход в крепость, так как только здесь имеются естественные подступы. Южная стена крепости также укреплена тремя контрфорсами и двумя небольшими угловыми башнями. Восточная стена защищена одним контрфорсом и выступом стены помещения 3. Она наиболее уязвима, так как перед ней имеется большое открытое пространство, куда можно подняться по кручам восточного и южного склонов холма. По-видимому, эта площадка в древности входила в комплекс оборонительных сооружений крепости, чем и можно объяснить наличие лишь одного контрфорса в восточной стене, являющегося второй, внутренней оборонительной стеной.

Крепость своей внутренне-пространственной планировкой самобытна и имеет оригинальное решение. Урартские зодчие имели большую творческую свободу в осуществлении индивидуальных замыслов. Ни один из ныне известных архитектурных памятников не повторяет другой и во многих из них выявляется умение одаренных урартских мастеров. Массивной стеной, проходящей с севера на юг, крепость делится на две

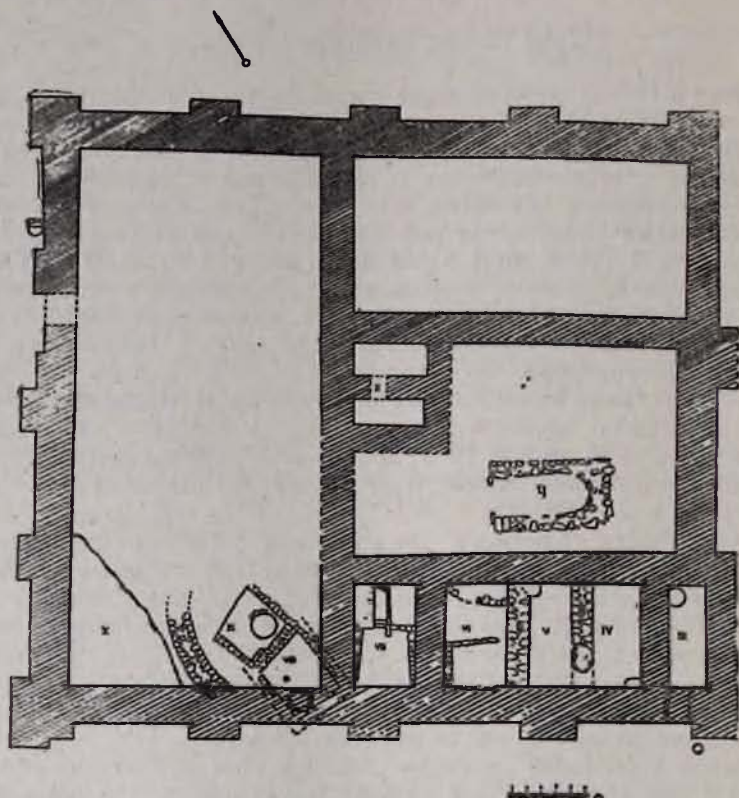

Рис. 1. План Ошаканской крепости.

части—восточную и западную. Северная часть восточного крыла состоит из крупного зала (рис. 1, 1) площадью около 260 кв. м с примыкающими двумя меньшими помещениями (рис. 1, 2) и крупного скального выступа, на котором сохранились следы средневековой часовни (рис. 1, пом. 4). Направление часовни несколько смещено к югу и совпадает с направлением площадки. По-видимому, на месте часовни в древности также было какое-то культовое сооружение, и смещение площадки было произведено при строительстве крепости, что часто наблюдается в направлениях синхронных погребений. Южная часть восточного крыла крепости проходит непосредственно за скальным выступом и отделена от остальных частей поперечной стеной (длина—24,2 м, ширина—2,15 м), соединяющей восточную внешнюю стену с центральной поперечной стеной, делящей крепость на две части. В южной части восточного отсека раскопано пять небольших помещений (рис. 1, 3—7), из коих в древности бытовали лишь помещения 3 и 7, а остальные—в раннем

средневековье¹. Стены помещений 3 и 7 сооружены одновременно с крепостью. Они выложены из массивных блоков твердого туфа с большим запасом прочности и не имеют дверей, несмотря на то, что их стены сохранились на большой высоте. Конструктивные особенности этого отсека явно наталкивают на мысль, что в этой своей части крепость была двухэтажной. Данное предположение основано на том, что массивные стены боковых помещений 3 и 7 сооружены для выдерживания тяжести верхнего этажа. Эти помещения перекрывались поперечно уложенными балками, образующими основу пола второго этажа, где были сооружены люки-лазы, откуда по стремянкам можно было спуститься в подвальные помещения. Свободное пространство между помещениями 3 и 7 в древности, по-видимому, использовалось как хозяйственное сооружение. Перекрытие этого большого пространства также производилось балками или бревнами, перекинутыми от южной поперечной стены к внешней стене крепости. На этом перекрытии возвышался зал или, что более вероятно, две-три небольшие комнаты, которые вместе с боковыми помещениями второго этажа создавали комплекс из четырех или пяти жилых помещений. Наличие второго этажа дает возможность предположить, что наружные оборонительные стены южной части крепости имели минимальную высоту 8—9 м до крыши второго этажа и, без сомнения, подымались еще на 1,5—2 м, образуя общую высоту 9—10 м. Плоская кровля указанных помещений служила основанием для защитников крепости, которые стояли на ней и, прикрытые выступом стены, могли отражать штурм противника. По-видимому, кровля остальных помещений имела то же назначение.

Западная часть крепости сильно разрушена. В его южной части сохранилась крупная яма (диаметром в 3,7 и глубиной 3 м), расположенная между скальным выступом часовни и южной внешней стеной. Назначение этой ямы не вполне ясно, так как ее стены и дно сильно разрушены раскопками, произведенными в начале нашего столетия Х. Дадяном, и средневековыми сооружениями (рис. 1, 8—9). Можно лишь предположить, что в древности она была обмазана глиной и служила бассейном для воды. Подобное водохранилище открыто в Аргиштихинили, где стены резервуара были обмазаны огнеупорно-водонепроницаемой глиной Налбандяновского месторождения². Возможно, глиной этого месторождения или другого более близкого, но с идентичным составом, были обмазаны стены ошаканского водохранилища. Хуже всего изучен западный отсек крепости. Здесь между западной внешней стеной и бассейном в лавовой толще вырыт узкий коридор шириной в 2—3 м и длиной в 10 м, по-видимому, также служивший складским помещением (рис. 1, 10). Остальная часть западного отсека крепости площадью около 400 кв. м представляет собой чуть покатый склон с твердым слоем естественного шлака, на котором не сохранилось следов каких-либо сооружений.

Наличие в крепости двух таких крупных свободных пространств—зала и указанной площади—позволяет предполагать, что они были крытыми. По-видимому, здесь были установлены колонны, несущие конструктивную тяжесть ложного свода. Фактической жилой площадью крепости является второй этаж южного крыла восточного отсека, с

¹ О средневековых сооружениях Ошакана см.: *Ս. Ա. Ծախիսի, Ա. Ս. Քալիսի Բարիսի, Օշականի վաղ միջնադարյան բնակավայրը (ՀՍՍՀ ԳԱ «Լրարկը», 1978, № 3)*.

² А. А. Мартиросян, Р. М. Торосян, К. К. Кафадарян, В. Р. Исраелян, Л. Л. Петросян, Водохранилище Аргиштихинили и некоторые вопросы урартского гидростроительства (*ՀՍՍՀ ԳԱ «Լրարկը», 1975, № 10, էջ 58*).

его несколькими комнатами, общей площадью в 125 кв. м, где могли разместиться, в лучшем случае, несколько десятков воинов и жрецов, обслуживающих древнее святилище. В этих условиях функциональное значение вышеуказанных крупных крытых помещений площадью почти в 700 кв. м и составляющих более 25 % всей территории крепости необъяснимо для малочисленного гарнизона. По-видимому, они использовались не гарнизоном, а служили лишь убежищами, в которых в моменты опасности находились жители дворцовых комплексов, вместе с гарнизоном выдерживавшие штурм и даже кратковременную осаду, дожидаясь помощи от урартских гарнизонов крепостей Араратской долины.

Самые ранние археологические материалы в крепости относятся к VII—VI вв. до н. э. и представлены фрагментами черной керамики с семячковым и ногтевым орнаментом, найденными в помещении № 2. Эта керамика в массовом порядке встречается не только в могильниках местных племен Армении и Закавказья, но хорошо известна и в урартских памятниках Тейшебаини, Аргиштихинили и в верхних слоях Эребуни. Для датировки крепости исключительное значение имеет строительная техника. Как уже отмечалось, наружные стены цитадели выложены крупными блоками сероватого и красного туфа, значительная часть которых имеет обработанную рустами поверхность. На некоторых камнях посередине рустовки встречаются круглые выступы.

Наиболее ранние примеры рустовки в Армении появляются на сооружениях второго периода урартского государства—в Топрах-кале и Аргиштихинили³. Это обстоятельство впервые было верно подмечено М. Никольским в отношении камней из армавирской крепости, который, отвергнув положение А. Уварова о поздней датировке стен Армавира-Аргиштихинили, писал, что рустовка характерна для армавирских камней, на которых высечены надписи⁴. Камни с рустовкой открыты в настоящее время и в крепостной стене цитадели Армавира⁵.

Основная часть оборонительных стен таких крепостей, как Эребуни, Тейшебаини, Элар, Нор-Баязет, Цовинар, Арагац и т. д., сложены из грубых, иногда чисто тесанных, базальтовых и туфовых камней. Причем, в ранних крепостях, в частности в Эребуни, цоколь подымается до 2 м, а в поздних—Кармир-блур и Арагац—на высоту 0,5—1,5 м, что сближается с ахеменидской кладкой⁶. На этих кладках стен, в частности на внутренней стене двора Тейшебаини, имеются круглые выступы, напоминающие ошаканские. Техника обработки камней рустовкой продолжает развиваться и в раннеармянское время. Так, камни с рустовкой известны в Иране⁷ и, как указывалось выше, на камнях двора Эребуни. Известны они и в Вани, на холме Ахвледиан-убани, где обнаружены сооружения с подвальными помещениями, датированные

³ Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, Ереван, 1944, с. 251.

⁴ М. В. Никольский, Клинообразные надписи Закавказья, «Материалы по археологии Кавказа», V, № 896, с. 57.

⁵ Б. Н. Аракелян, О некоторых результатах археологического изучения древнего Армавира (*«Պատմա-րիվագրական հանդես»*, 1969, № 4, էջ 103, նկ. 4).

⁶ К. А. Оганесян, Кармир-блур, вып. IV, 1965, с. 79; он же, Арин-Берд, 1, Ереван, 1961, с. 103.

⁷ Ричард Фрай, Наследие Ирана, М., 1972, рис. 22.

IV, возможно V в. до н. э.⁸, и на деталях кладки ступенчатого сооружения на I участке и остатках кладки IV участка⁹.

Особенно широко распространяется «рустовка» в эллинистическую эпоху, когда камень обрабатывался двумя способами. К первому относится квадрат с полукруглой формой в виде подушек; второй способ—когда лицо камня оставалось шероховатым, а кромки снабжались полоской для плотного прилегания камней¹⁰.

Для кладки стен ошаканской крепости характерен второй способ рустовки. Такая же кладка наблюдается при строительстве стен башни Гарнийской крепости, где камни одинаково хорошо отесаны, а по их краям идет обтесанная полоса, окаймляющая лентой—рустовкой¹¹, что, на наш взгляд, указывает на древние традиции мастеров-строителей Гарнийской крепости. В отличие от гарнийской крепости и других античных сооружений, рустовка стен ошаканской крепости встречается лишь на некоторых камнях, что сближает их с урартскими и свидетельствует о раннем сооружении ошаканской крепости. По своей технике кладки стены ошаканской крепости напоминают «мидис» с преувеличенным запасом прочности, что замечено и на Арин-Берде¹². Характер строительной техники, способ обработки камней стен ошаканской крепости, а также находки небольшого количества керамики VII—VI вв. до н. э. позволяют отнести время его сооружения к позднеурартскому периоду.

Дворцовые комплексы. Развалины дворцовых сооружений местами четко видны на дневной поверхности. Судя по наблюдаемым остаткам стен, они состоят из четырех комплексов. Первый и второй ориентированы по оси север—юг с отклонением в 40° к востоку. Чтобы не вносить путаницы в направлении помещений, мы условно считаем ось этих зданий ориентированной с севера на юг. Третий и четвертый комплексы расположены перпендикулярно им с востока на запад на удалении 150—200 м.

Первый дворцовый комплекс, раскопанный в 1972—1974 гг., представляет собой великолепное творение урартских мастеров. Он имеет квадратную форму и состоит из 14 помещений общей площадью в 900 кв. м. Этот комплекс соединен со вторым посредством частично перекрытого двора (пом. 15) площадью в 120 кв. м. Раскопки второго комплекса, произведенные в 1976—1982 гг., еще не завершены и в настоящее время состоят из 21 помещений (16—36) (рис. 2).

Помещение 15, или двор, имело два хода. Первый сооружен в восточной части внешней стены и имеет ширину 1,65 м. По обе его стороны имеются два небольших выступа размером 3,2×2,5 м, образующих своеобразные декоративные башенки и придающих центральному входу монументальный вид, что было характерно для урартской и древневосточной архитектуры. Наличие двора между двумя комплексами так-

⁸ И. В. Хоштария, Археологические исследования в Вани и Ванском районе в 1952 г., Материалы по археологии Грузии и Кавказа, вып. 11, Тбилиси, с. 51—52, табл. IV.

⁹ «Вани I, Археологические раскопки 1947—1969 гг.», колл. авторов, Тбилиси, 1972, табл. 15—29.

¹⁰ М. И. Максимова, Сырьевая база и первичная обработка материалов, в кн. «Эллинистическая техника», сб. статей, М.—Л., 1948, с. 12.

¹¹ Б. А. Аракелян, Гарни I, Ереван, 1951, с. 33.

¹² К. Л. Оганесян, Арин-Берд, с. 105.

же характерно для планировки урартских крепостей, в частности Эребуни¹³, Аргиштихинили и Тушпы¹⁴, что еще более сближает ошаканское строение с урартскими сооружениями. Второй вход сооружен в северной части западной стены второго комплекса, также украшен двумя башенками и соединяется со двором небольшим коридором. Однако вскоре эта дверь закладывается и указанный коридор превращается в

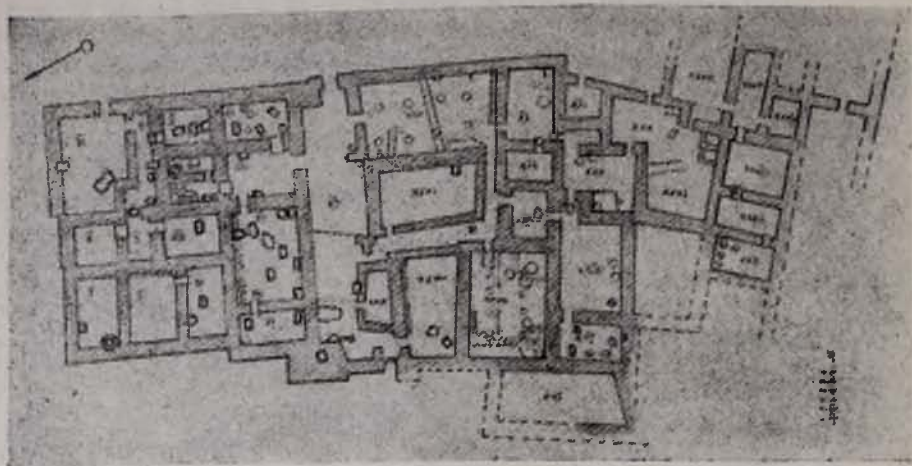

Рис. 2. План 1 и 2-ого дворцовых комплексов Ошакана.

культовую нишу, где были установлены фаллусы и идолы-столбики. Первый комплекс соединен со двором через помещение 13 и посредством ряда дверей с помещениями 9, 11—14. Остальные помещения этого комплекса не связаны со двором и, по-видимому, имели самостоятельные выходы. Так, помещения 6 и 7, связанные дверными проемами, не имеют входов в другие помещения, а помещение 1 совсем изолировано. В то же время помещения 2—5, 8 и 10 связаны друг с другом и имеют входную дверь устроенную в южной части восточной стены помещения 3. Это обстоятельство позволяет предположить, что и помещения 1, 6 и 7 имели наружные двери, не наблюдаемые из-за плохой сохранности стен первого комплекса, которые в северной части почти сливаются с окружающей местностью.

Второй комплекс соединен со двором целым рядом дверных проемов, идущих с востока на запад. Через первую дверь, ведущую в помещение 25 и вторую в коридор (рис. 2, пом. К), можно пройти почти во все помещения второго комплекса, кроме помещения 21. Через третью и четвертую двери—в изолированные помещения 28 и 29. Что же касается помещения 21, то оно имеет двери в нераскопанное помещение, расположенное восточнее основной стены, и ее входы могут быть уточнены лишь после раскопок этого крыла второго комплекса.

Оба комплекса, без сомнения, сооружены в первой половине VII в. до н. э., в эпоху второго расцвета Урарту, что подтверждается археологическим, в частности керамическим, материалом. Однако они сооружены несколько позднее других (III—IV комплексов или крепо-

¹³ Там же, с. 24—28.

¹⁴ А. А. Мартиросян, Аргиштихинили, Ереван, 1974, с. 88.

сти). Об этом свидетельствуют два урартских погребения, раскрытые в помещении 3. Одно из них (№ 3) находилось под полом, а другое (№ 4) было частично перекрыто наружной, северной стеной.

Находки урартских погребений под стенами или нивелированными полами часто фиксируются в Аргиштихинили, где они забывались или не учитывались при закладке новых городских кварталов расширяющегося города, так как они принадлежали низшему сословию¹⁵. Аналогичная картина наблюдается и в Ошакане, где инвентарь обоих погребений отличается чрезвычайной бедностью.

Второй комплекс, как указывалось, сооружен в VII в. до н. э., так как археологический материал обоих комплексов идентичен, но, судя по «северному фасаду» второго комплекса, обращенного во двор, он пристроен после первого. В плане эта стена представляет собой изломанную неупорядоченную линию, естественную для выходящих во двор помещений с рядом дверей и непонятную в качестве внешней фасадной стены, если бы она была бы возведена ранее, как самостоятельное сооружение.

Сказанное подтверждается данными планировки и строительной техники. Стены первого комплекса сооружены из крупных, грубо тесаных блоков прямоугольной или квадратной формы на глиняном растворе. Этот комплекс имеет четкую планировку, образованную из 14 прямоугольных помещений. Дверные проемы (пороги) этих помещений заложены хорошо отесанными крупными туфовыми плитами. Стены помещений второго комплекса сооружены из небольших камней туфа грубого откола и речных гольшей также на глиняном растворе, а затем изнутри обмазаны тонким слоем глины, что наблюдалось на стенах помещений 17, 26, 28. Подобная штукатурка отмечена и в помещениях Аргиштихинили¹⁶.

Планировка помещений второго комплекса отличается крайней неряшливостью. Направление их углов проходит неравномерно, что придает этим помещениям различную конфигурацию. Несмотря на разницу кладки, строительного материала и планировки стены обоих комплексов (шириной 0,6—1 м) не имеют различий в ширине фундамента и цокольной части и являются естественным продолжением друг друга, напоминая цокольные стены Тейшебаини и Аргиштихинили.

Фундамент в ряде помещений (3, 6 и 15) выложен прямо на выходы скальных пород туфа, который местами (пом. 3 и 15) вырублен и служит полом. В других помещениях фундаменты неглубокие и лежат на 20—30 см ниже пола. Лишь в помещениях 32—36, где имеются перепады местности и часть пола присыпная, фундаменты расположены на 0,7—0,9 м ниже пола. Цокольная часть стен первого комплекса сохранилась местами до 1,2 м, а второго—до 2,5 м. В настоящее время трудно сказать, возвышались ли каменные стены до кровли или заменялись кладкой из сырцовых кирпичей (следы которых не встречаются), но бесспорно, что каменная кладка была значительно выше сохранившегося уровня, так как 10—15% извлекаемого грунта образуют камни кладки стен.

Помещения обоих комплексов ориентированы с севера на юг вверх по склону малого холма и, по-видимому, имели ступенчатое расположение. Предположить это позволяет как покатость склона, так и нали-

¹⁵ Там же, с. 63.

¹⁶ Там же, с. 90.

чие четырех рядов монументальных стен, идущих с востока на запад, которые несли конструктивную тяжесть и одновременно служили крепидами образуемых ими строительных площадей.

Такое построение урартских крепостных объектов было отмечено И. Орбели еще в 1916 г. в Ване и Хайкаберде¹⁷, а затем К. Оганесяном в Тейшебаини¹⁸ и А. Мартиросяном в Аргиштихинили¹⁹. К. Оганесян считает, что подобное построение внешних объемов вытекает из логического стремления максимально использовать рельеф местности и рационально привязать к нему сооружаемое здание²⁰. А. Мартиросян, развивая сказанное, считает, что подобная планировка является одной из главных отличительных черт урартской архитектуры (от месопотамской), берущей начало в древнейших циклопических постройках Армении²¹.

Наличие указанных монументальных стен (крепид) в ошаканских дворцовых комплексах показывает, что эта форма урартской архитектуры применялась не только в фортификационных, но и в гражданских сооружениях. Перекрытия ошаканских сооружений были деревянные, крытые тростником с глиняной обмазкой, о чем свидетельствуют следы древесного угля и тростниковой золы во многих помещениях. По-видимому, основная масса помещений с небольшим пролетом имела плоскую кровлю, а колонные залы 25 и 27 и помещения 3, 12, 26—28, имеющие большой пролет, несли кровлю с ложным сводом типа армянского глхатуна. Перекрытия с ложным сводом, без сомнения, были снабжены световыми фонарями, остальные помещения, видимо, освещались через небольшие окна, расположенные над ярусами крыш или в стенах фасадов, как это наблюдается в Тейшебаини. Лишь небольшие помещения (5, 9, 34, 36), расположенные в центре комплексов, освещались посредством вторичного света через двери в другие помещения или светильниками.

Своеобразно решена проблема дверных проемов. В первом комплексе по обе их стороны во всю глубину проема укладывались два крупных камня, а пороги были выложены туфовыми плитами. Несколько отличаются конструкции проемов дверей второго комплекса, где они часто сооружались из сравнительно мелких камней, а пороги выложены мелкими камнями и обмазаны глиной. Для нивелировки пола в первом комплексе устанавливались 1—2 ступени из чисто тесанных блоков, в то время как во втором, несмотря на большой перепад полов, ставились грубые, неотесанные камни.

При раскопках помещений обоих комплексов обнаружено большое число подпятников, из которых лишь один находился у дверного проема (помещение 8). Это крупный туфовый камень размером 30×32×22 см, в центре которого имеется ямка (диаметром в 6 и глубиной в 5 см) со следами вращения дверной оси. Находки подпятников показывают, что двери ошаканских дворцовых комплексов закреплялись на подвижной заостренной оси. Подобная форма закрепления дверей сближается с дверями в Аргиштихинили, где часто встречались остатки деревян-

¹⁷ «Доклады Н. Я. Марра и И. А. Орбели», Издание русского археологического общества, Петроград, 1922, с. 10.

¹⁸ К. Л. Оганесян, Кармир-блур IV (архитектура Тейшебаини), Ереван, 1965, с. 69.

¹⁹ А. А. Мартиросян, Аргиштихинили, с. 77.

²⁰ К. Л. Оганесян, Кармир-блур, с. 69.

²¹ А. А. Мартиросян, Аргиштихинили, с. 77.

ных дверей и подпятников. Особенно интересна дверь, найденная на террасе западной крепости, ось которой имела диаметр в 4—5 см²², что вполне соответствует диаметру подпятника из Ошакана. Остатки деревянных дверей известны также по Кармир-блур, однако отсутствие каменных подпятников привело Б. Пиотровского к заключению, что в дверные проемы Тейшебаини вставлялись деревянные рамы, в которые закреплялись двери²³.

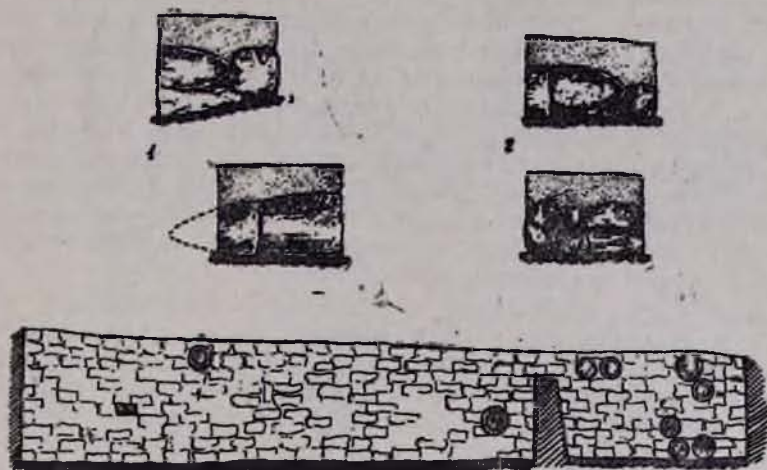

Рис. 3. Разрез реконструированного дверного проема помещения 33 и стены помещения 27.

В четырех помещениях (6, 12, 25 и 28) вдоль стен устроены приступки, скамьи, сложенные из туфовых или базальтовых камней и обмазанные сверху глиной. Подобные приступки-скамьи встречаются в доурартском поселении Кармир-блур²⁴, раннеармянской крепости Пилор-пат²⁵ и в Аргиштихинили²⁶.

Как видно из археологического материала, данных архитектуры и строительного дела, эти дворцы, представляющие собой не защищенные комплексы, были сооружены в первой четверти VII в. до н. э. и бытовали до конца существования урартского государства. Раскопки выявляют картину их гибели, которые, как Тейшебаини и Аргиштихинили, подвергались штурму и были сожжены противником, о чем говорят частые находки под полом (второго периода их бытования) следы угля и тростникового пепла. По-видимому, несколько десятилетий спустя эти сооружения оставались необитаемыми, вследствие чего часть стен обвалилась. Но уже в середине VI в. до н. э. сюда пришли новые хозяева и эти здания были восстановлены без изменений в плане. В

²² Там же, с. 94, 163, 165.

²³ Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур I, Ереван, 1960, с. 37; он же, Ванское царство, М., 1969, с. 207.

²⁴ А. А. Мартиросян, Город Тейшебаини, Ереван, 1961, с. 10.

²⁵ С. А. Есян, Древняя культура племен северо-восточной Армении, Ереван, 1976, с. 73.

²⁶ А. А. Мартиросян, Аргиштихинили, с. 109, 113 и др.

дверные проемы помещений в качестве угловых камней были уложены фаллусы (рис. 3, 1, 2), занимавшие некогда священные углы и святилища бывших дворцов. Исключительное значение для изучения следов древних культов и уточнения более поздней реконструкции имеют помещения 25 и 27. Последнее представляет собой зал площадью около 100 кв. м. В центре зала с востока на запад расположены в два ряда туфовые базы восьми колонн. На полу помещения раскопаны четыре ямы, перекрытые каменными плитами и заполненные золой, костями крупного и мелкого рогатого скота и фрагментами битой и использованной местной и урартской керамики. При их расчистке создавалось впечатление, что эти ямы вырыты не одновременно, а по мере их заполнения, и свидетельствовало о том, что священный пепел не выносился из данного помещения. В завале камней было найдено 25 идолов-столбиков и фаллусов; еще девять фаллусов и идолов видны в общей с помещением 17 стене (рис. 3, 3). Этот колонный зал, по-видимому, был святилищем обоих комплексов, в нем были установлены многочисленные статуи, фаллусы и идолы-столбики, перед которыми совершались жертвоприношения (рис. 4).

Раскопки ясно показывают, что зал погиб от пожара и позднее вместе с другими помещениями был восстановлен. Находившиеся здесь идолы, фаллусы и статуи вместе с камнями упавшей стены использовались как материалы для кладки. После реконструкции в юго-восточном углу зала был сооружен небольшой чулан, западная стена которого перекрывает базу колонны 1 и ям 1 и 2. В юго-западной части зала было построено небольшое помещение, а внутри него—очаг размером 0,7×0,6 м, из четырех вертикально поставленных каменных столбиков высотой в 0,5—0,7 м, между тремя сторонами которых были установлены плоские каменные плиты; лишь восточная сторона очага оставалась открытой. Основание очага было обмазано 5-сантиметровым слоем глины, сильно обожженным от частого применения, и покрыто толстым слоем золы. Вдоль северной стены зала из камней и присыпной земли была сооружена платформа длиной 10 м, шириной 3,6 м и высотой 0,5 м, перекрывавшая все четыре колонны второго ряда. С запада к платформе примыкала небольшая площадка, возвышающаяся на 0,2 м над платформой, а за нею—массивная стена у урартской западной стены. От площадки к помещению с очагом вела дорожка из туфовых плит шириной в 1 м. Как видим, при реконструкции колонного зала святилище было превращено в капище с очагом. Таким образом, это помещение сохранило свое культовое назначение, но изменился характер культа.

Помещение 25 площадью 150 кв. м также представляло собой восьмиколонный зал. Первоначально оно имело три входа—главный со двора и второстепенный из вышеуказанного коридора, третья дверь вела в помещения южного отсека. Под южной стеной тянулась высокая приступка-скамья, сложенная из крупных камней и обмазанная глиной. Каких-либо следов древних культовых сооружений здесь не замечено. Их отсутствие, а также наличие трех дверей и проходное расположение позволяют предположить, что первоначально этот зал не был святилищем, а служил помещением для общих торжеств или собраний.

После реконструкции, произведенной во второй строительный период, колонны этого зала были сняты (сохранились лишь две базы, в дальнейшем еще две другие были найдены в помещениях 22 и 31 уже в виде строительного материала). По середине зала была сооружена поперечная стена, делящая его на два помещения, первое из которых имело вход со двора, а второе—через вышеуказанный коридор. В первом

помещении, неподалеку от дверного проема, проведена к западной стене, общей с помещением 26, небольшая стена длиной в 3,5 м, образующая небольшой закуток (аналогичный строению в помещении 27), внутри которого был сооружен овальной формы очаг размером 1,0×0,5 м. Его стенки имеют ширину 25 см и высоту 15 см, которые на 5 см врыты в землю. Дно очага обмазано слоем глины толщиной в 4—5 см, которое,

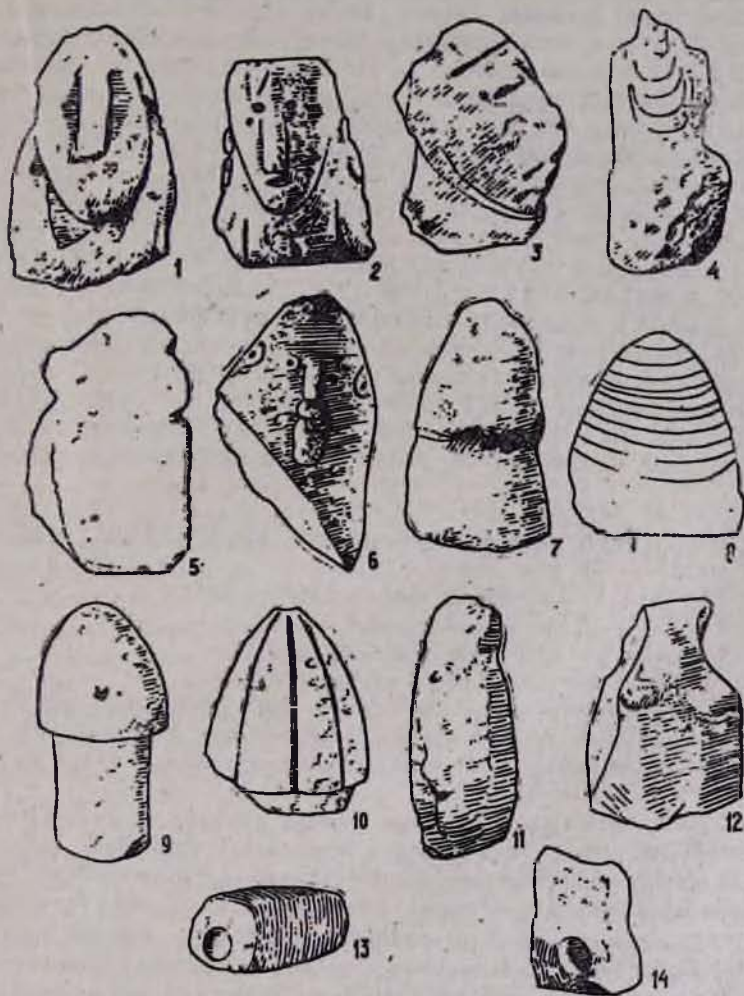

Рис. 4. Каменные статуи, фаллусы и идолы-столбики из Ошакана. № 1, 12, 13—помещение 20; № 2—пом. 28; № 3—пом. 27; № 4—пом. 21; № 5, 6, 9, 10, 14—пом. 26; № 7, 8—пом. 19; № 11—пом. 18.

как и стенки, сильно обгорело от частого применения очага. Таким образом, после реконструкции зала здесь создается небольшое капище с двойными дверьми, аналогичное капищу помещения 27, но с очагом другой формы.

Во втором помещении, образованном после реконструкции этого зала, сооружен очаг в его северо-восточной части, под внешней стеной. Он имеет прямоугольную форму размером 0,7×0,45 м, глубиной 10 см. Он

также имеет врытые в землю глиняные стенки, но в его западном углу стоял камень высотой в 0,5 м. Напротив очага под восточной стеной, как и в помещении 27, была сооружена дополнительная стена.

Этим не ограничиваются сооружения новых культовых памятников. Очаг, совершенно аналогичный очагу помещения 27, сооружается в помещении 20, вместе с небольшой поперечной стеной, позволяющей устройство здесь двойных дверей. Такая картина наблюдается и в помещении 22, где в западном углу была сооружена платформа размером $2,57 \times 2,42$ м и высотой 0,5 м. На этой платформе раскопано два очага. Один из них находился в его северо-западном углу и имел прямоугольную форму. Он был сооружен из семи небольших туфовых камней и имел размеры $0,93 \times 0,47$ м глубиной в 15 см. Пол его, как и у других очагов, был обмазан толстым слоем обожженной от частого использования глиной. В центре очага сохранились следы глиняной стенки, благодаря чему очаг имел две камеры. Второй очаг был сооружен в юго-западной части платформы и был похож на очаг из первого помещения колонного зала 25, с той лишь разницей, что его одна стенка была открытой и придавала ему полуовальную форму.

Итак, после реконструкции дворцовых комплексов на месте урартских святилищ и прилегающих помещений образуются три крупных храма огня размером в 100 и 75 кв. м каждая и два малых храма, имеющих размеры прежних помещений. Внутри их сооружаются очаги различной формы, что, вероятно, указывает на их ритуальное своеобразие.

ՕՇԱԿԱՆԻ ՈՒՐԱՐՏԱԿԱՆ ԿԱՌՈՒՅՑՆԵՐԻ ՇԻՆԱՐԱՐԱԿԱՆ ՏՅԵՆԻԿԱՆ

ԱՅՏՓԱՆ ԵՍԱՅԱՆ, ԱՄԻՆԻԱ ԿԱՆԵՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ո ի մ

Օշականի Դիդի-Կոնդ բլրի ամրոցը և բլրի հյուսիսային լանջում տեղադրված ուրարտական պալատական շինությունները կառուցվել են մ. թ. ա. VII դ. և հարատևել վաղ հայկական ժամանակաշրջանում՝ մինչև մ. թ. ա. V դ. վերջը:

Պեղումներից պարզվում է, որ ամրոցը ունեցել է պահակային ծառայության նշանակություն, ուր թշնամու հարձակման ժամանակ պատսպարվել է տեղի բնակչությունը: Պալատական շինությունները ուրարտական ճարտարապետության առաջին անպաշտպան կառույցներն են և ունեն Ուրարտուին բնորոշ շինարարական տեխնիկա (պատերի շարվածքը, դռների բացվածքների լուծումը, լուսավորումը առաստաղից. լուսավորման ձևը հնարավորություն է տալիս ենթադրել, որ այդ շենքերի մի մասը ծածկվել է գլխատան ձևով): Վաղ հայկական ժամանակաշրջանում այս շինությունների տաճարները, ուր կանգնած են եղել բազմաթիվ քարե կուռքեր, ոչնչացվել են և փոխարինվել են կրակի օջախներով, որը վկայում է կրակապաշտության մասին: